

ПЕРВЫЕ КНИЖКИ
О ЖИВОТНЫХ

Н. Сладков

Лесные СКАЗКИ

Аванта

ПЕРВЫЕ КНИЖКИ
О ЖИВОТНЫХ

Н. Сладков

Лесные СКАЗКИ

Аванта

ПЕРВЫЙ ШАГ

Даже большое путешествие, как известно, начинается с первого шага за околицу. За околицей лужа, но она такая же голубая, как море. За околицей лопухи и крапива, но они такие же зелёные и непроходимые, как джунгли. И ветер за околицей тот же, что шумит над горами, пустынями и океанами. И то же солнце, что светит всему миру.

Чтобы переплыть океан на плоту, в первую очередь, как это ни странно, нужен совсем не плот. В первую очередь нужно желание. Будет желание — найдутся и плот и океан. Не будет желания — не помогут ни дюжина плотов, ни полдюжины океанов.

Первый шаг — самое важное. Кто шагнул за околицу — тот уже не сможет остановиться.

В лес пойдёшь — кого-нибудь да увидишь. А увидишь — узнать захочешь. Узнаешь — непременно полюбишь. А полюбишь — в обиду не дашь. Уж так человек устроен: что любит, то и защищает. Все защитники природы по этой тропинке прошли.

Тетерев-косач

А если не веришь, попробуй-ка сам в лес
сходить...

Просыпайся, вставай!

В лесу уже косач прокричал —
дикий петух. Всех лесных жителей
разбудил. В деревне домашний петух пропел — де-
ревенских жителей разбудил. Сорока из леса в де-
ревню новости на хвосте принесла.

Вставай, вставай, — новый день на дворе! Новые
встречи, новые дела, новые радости.

ЗАГАДОЧНЫЙ ЗВЕРЬ

Кошка ловит мышей, чайка ест рыбу, мухоловка —
мух. Скажи, что ты ешь, и я скажу, кто ты.

И слышу я голосок:

— Угадай, кто я? Я ем жуков и муравьёв!

Я подумал и твёрдо сказал:

— Дятел!

— Вот и не угадал! Ещё я ем ос и шмелей!

Осоед

— Ага! Ты птица осоед!

— Не осоед! Ещё я ем гусениц и личинок.

— Гусениц и личинок любят дрозды.

— А я не дрозд! Ещё я грызу сброшенные лосями рога.

— Тогда ты, наверное, лесная мышь.

— И вовсе не мышь. Бывает, я сама ем даже мышей!

— Мышей? Тогда ты, конечно, кошка.

— То мышка, то кошка! И совсем ты не угадал.

— Покажись! — крикнул я. И стал вглядываться в тёмную ель, откуда слышался голосок.

— Покажись. Только ты признай себя побеждённым.

— Рано! — ответил я.

— Иногда я ем ящериц. А изредка рыбу.

— Может, ты цапля?

— Не цапля. Я ловлю птенцов и таскаю из птичьих гнёзд яйца.

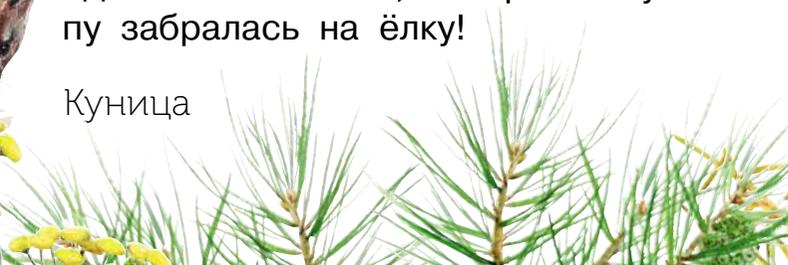
— Похоже, что ты куница.

— Не говори мне про куницу. Куница мой старый враг. А ем я ещё почки, орехи, семена ёлок и сосен, ягоды и грибы.

Я рассердился и крикнул:

— Скорей всего, ты — свинья! Ты лопаешь всё подряд. Ты одичавшая свинья, которая глупо забралась на ёлку!

Куница

— Сдаёшься? — спросил голосок.
Ветки качнулись, раздвинулись, и увидел я... белку!

— Запомни! — сказала она. —
Кошки едят не только мышей, чайки ловят не только рыбу, мухоловки глотают не одних мух. А белки грызут не только орешки.

ДРОЗД И СОВА

— Слушай, объясни ты мне: как сову от филина отличить?

— Это смотря какую сову...

— Какую сову... Обыкновенную!

— Такой совы не бывает. Бывает сова-сипуха, сова-неясыть серая, сова ястребиная, сова болотная, сова полярная, сова ушастая...

— Ну вот ты — какая сова?

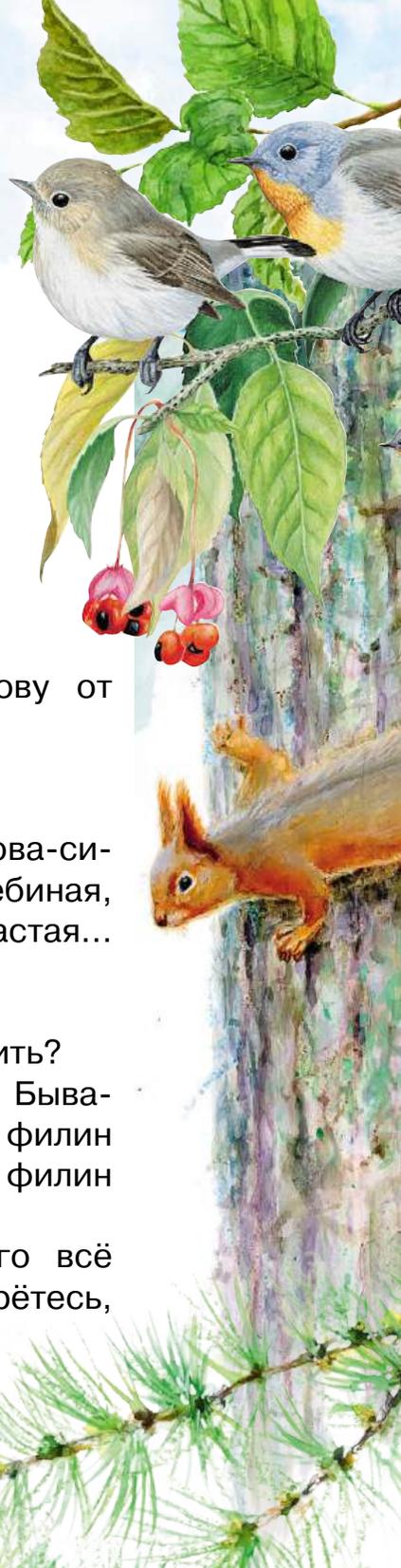
— Я-то? Я неясыть длиннохвостая.

— Ну вот как тебя от филина отличить?

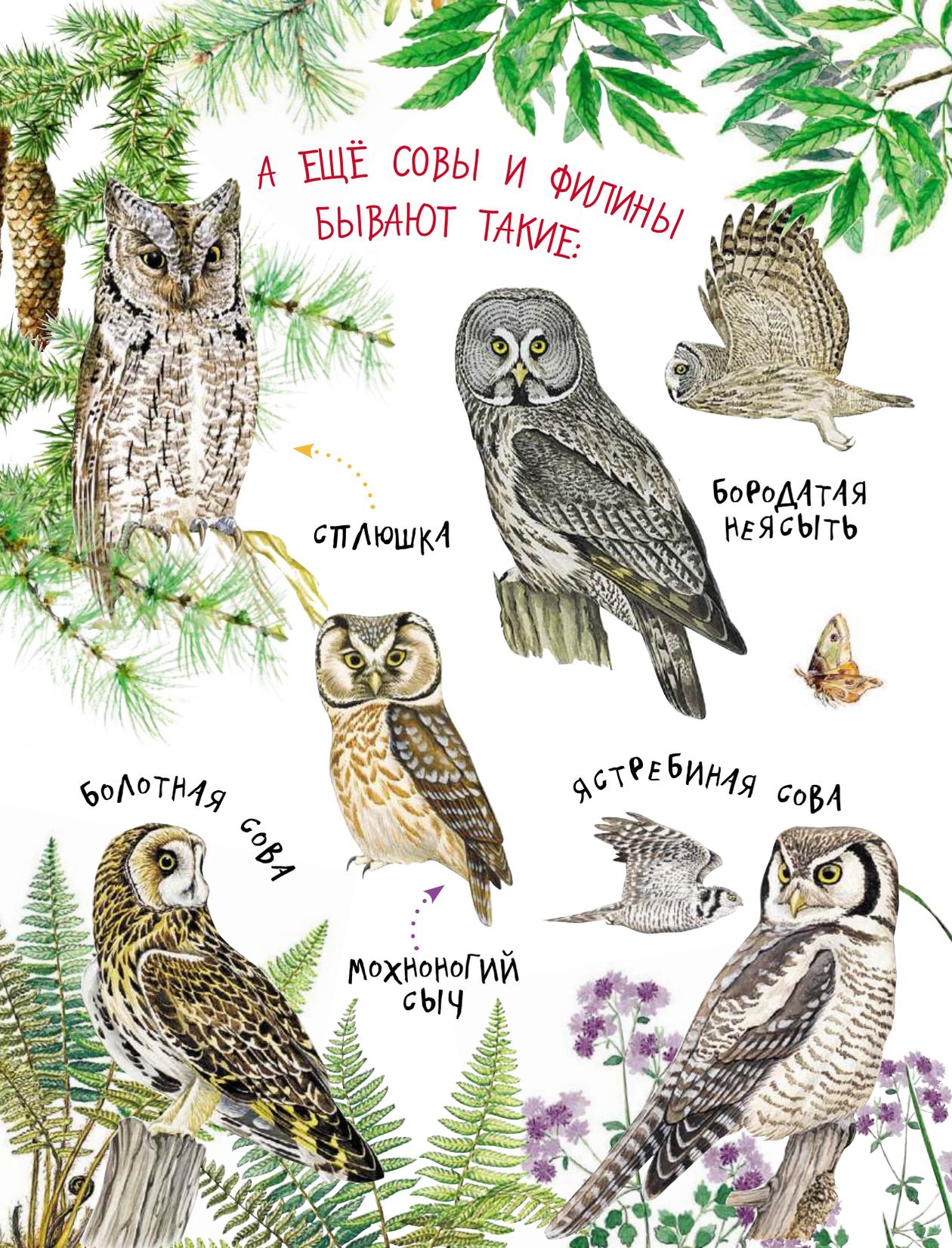
— Это смотря от какого филина... Бывает филин тёмный — лесной, бывает филин светлый — пустынный, а ещё рыбный филин бывает...

— Тьфу ты, нечисть ночная! До того всё запутали, что и сами, поди, не разберётесь, кто у вас кто!

— Хо-хо-хо-хо! Бу!

А ЕЩЁ СОВЫ И ФИЛИНЫ
БЫВАЮТ ТАКИЕ:

СТЛЮШКА

БОРОДАТАЯ
НЕЯСЫТЬ

БОЛОТНАЯ
СОВА

ЯСТРЕБИНАЯ
СОВА

МОХНОНОГИЙ
СЫЧ

ДЛИНОХВОСТАЯ
НЕЯСЫТЬ

СЕРАЯ
НЕЯСЫТЬ

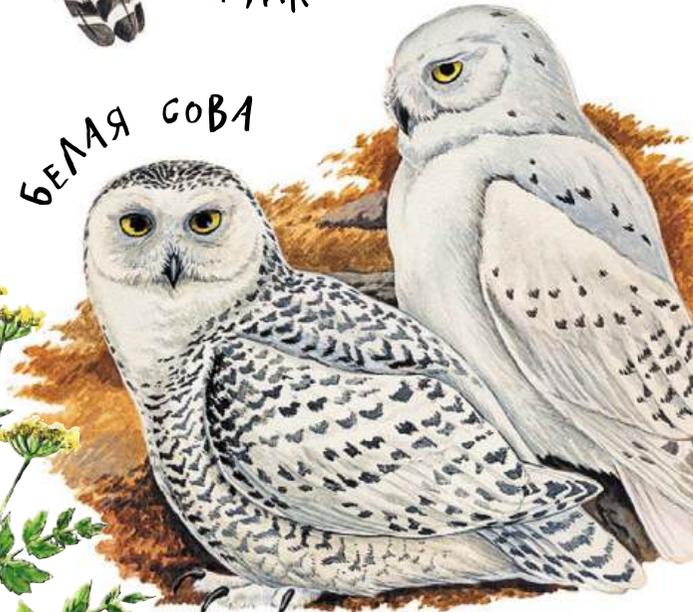

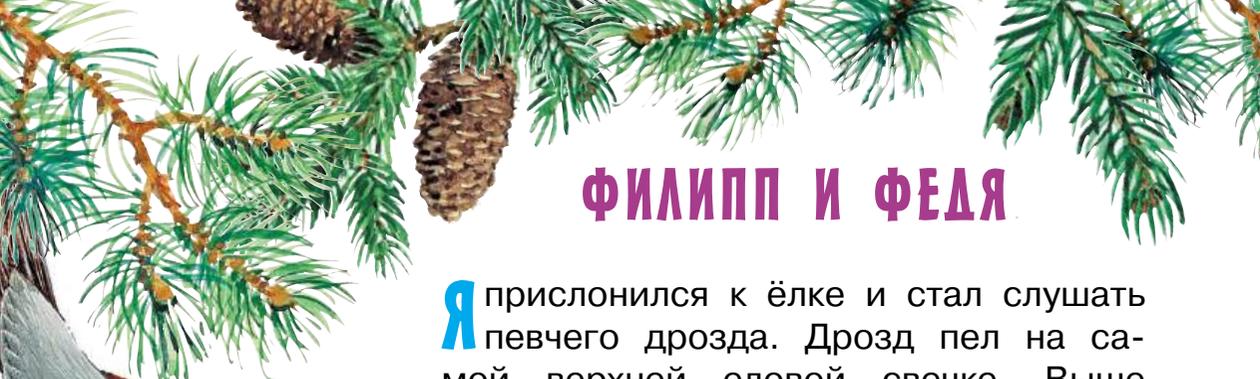
ВОРОБЬИНЫЙ
СЫЧУК

ФУЛИН

БЕЛАЯ
СОВА

ФИЛИПП И ФЕДЯ

Я прислонился к ёлке и стал слушать певчего дрозда. Дрозд пел на самой верхней еловой свечке. Выше его было только небо. А в небе — звезда.

Дрозд высвистывал. Свистнет — и помедлит. Будто прислушивается: так ли свистнул? Ещё свистнет — и опять помедлит: так ли отозвалось эхо? И вдруг трель — будто стёклышки посыпались с ёлки! Слышно даже, как язычком прищёлкивает. Рад, наверное, что и свистнуть сумел и эхо отозвалось как надо. Каждый свист — слово. Так прямо свистом и выговаривает: «Филипп, Филипп, Филипп! Приди, приди! Чай пить, чай пить! С сахаром, с сахаром!»

«Кто же этот Филипп?! — думаю я себе.

А дрозд: «Приди, кум! Приди, кум! Выпьем, выпьем!»

И тут на вершину соседней ёлки взлетел дрозд-сосед. И засвистел: «Федя, Федя, Федя! Не хочу, не хочу, не хочу!»

Так вот он кто — кум Филипп!

«С сахаром, с сахаром, с сахаром!» — уговаривает Федя.

А кум Филипп своё: «Не хочу, не хочу, не хочу!»

Так и препирались, пока и в небе, и в лесу не стало черным-черно. Тогда смолкли. Какой уж тут чай — спать пора!

ИВОВЫЙ ПИР

Зацвела ива — гости со всех сторон. Кусты и деревья ещё голые, серые; ива среди них как букет, да не простой, а золотой. Каждый новый барашек — пуховый жёлтый цыплёнок: сидит и светится. Пальцем тронешь — пожелтеет палец. Щёлкнешь — золотой дымок запарит. Понюхаешь — мёд.

Спешат гости на пир.

Шмель прилетел — неуклюжий, мохнатый, как медведь. Забасил, заворочался, весь в пыльце измазался.

Прибежали муравьи: поджарые, быстрые, голодные. Набросились на пыльцу, и раздулись у них животы, как бочки. Того и гляди, ободки на животах лопнут.

Комарики прилетели: ножки горсточкой, крылышки мельтешат. Крошечные вертолётники.

Жуки какие-то копошатся.

Мухи жужжат.

Бабочки крылья распластали.

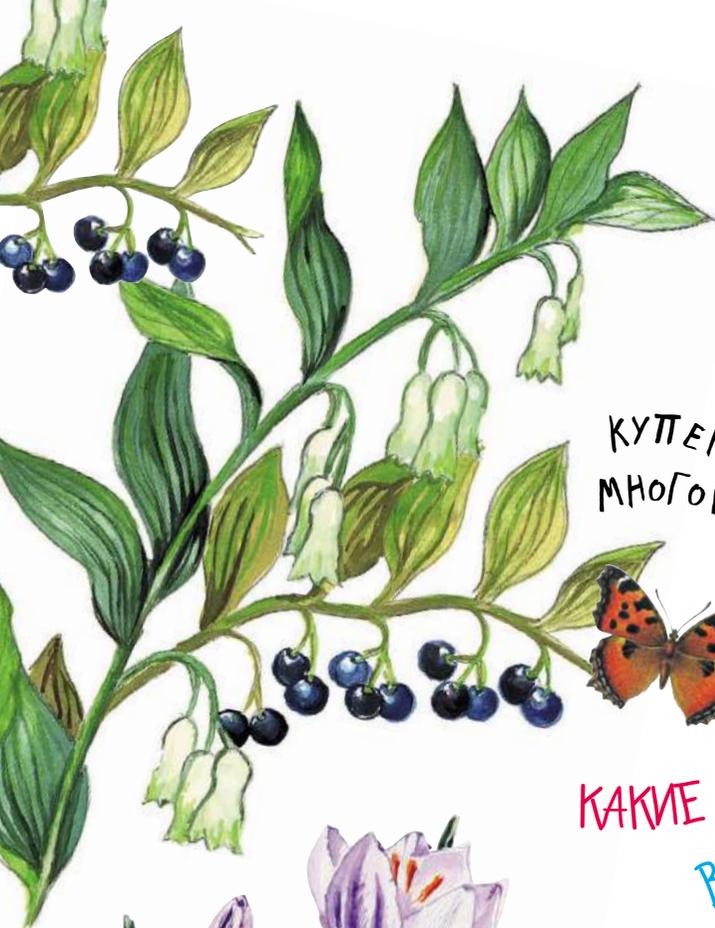
Шершень на слюдяных крыльях полосатый, злой и голодный, как тигр.

Все гудят и торопятся: зазеленеет ива — пиру конец.

Зазеленеет, потеряется среди зелёных кустов. Пойди-ка тогда её найди!

А сейчас — как букет золотой.

ГУСИНЫЙ ЛУК

КУПЕНА
МНОГОЦВЕТКОВАЯ

КАКИЕ ЦВЕТЫ РАСЦВЕТАЮТ
В АПРЕЛЕ И МАЕ?

ШАФРАН
СЕТЧАТЫЙ

ФИАЛКА СОБАЧЬЯ

НЕЗАБУДКА
БОЛОТНАЯ

ТЮЛЬПАН

ВЕТРЕНИЦА ЛЮТИЧНАЯ

ПРОСТРЕЛ ОБЫКНОВЕННЫЙ

ЧИНА ВЕГЕННЯ

КАЛУЖНИЦА БОЛОТНАЯ

ФЕДОТ, ДА НЕ ТОТ!

Поставил грибник на пенёк корзину с грибами. Сам к ручью отдохнуть отошёл. Увидел кузовок Дрозд да как затрещит:

— Ах, батюшки, ох, матушки, что же такое делается? Ядовитые поганки в кузове сидят, а вкуснейшие съедобные грибы рядом валяются! Благороднейший гриб — Боровик! Вкуснейший гриб — Шампиньон! Что тут творится? Что это за грибник такой — незнайка и растяпа? Набрал одних поганок, да ещё и радуется небось? Надо нам его от беды спасти!

А тут ещё Мухомор из-под листка высунулся:

— Эх, была не была, назовусь груздем, да и полезу в кузов! Что я, хуже других поганок, что ли?

— Какой же ты груздь, — закричал Боровик, — когда ты Мухомор!

— Никакой ты не груздь, почему ты лжёшь? — вскрикнул гриб Шампиньон.

— Все лгут, и я лгу, — отвечает Мухомор. — Ты, Боровик, лучше посмотри, кто в кузове-то справа сидит? Вон Ложный Опёнок. Вон Ложная Лисичка! Все ложные: лгун на лгуне! А слева ещё хуже! Вон Сатанинский ядовитый гриб. А вон, полюбуйся, ядовитая бледная поганка торчит!

А это горький, как горчица, Жёлчный гриб! Вот какая компания в кузове собралась! А я что — хуже их? Я тоже поганка. Пустите меня к своим!

Полез Мухомор в кузовок, а поганки его не пускают.

— Братцы поганки! — завопил Мухомор. — Вы что, своих не признаёте? Чего вы пихаетесь? Это ж я, Мухомор! Бледная поганка, замолви словечко за родственника. Мы же с тобой друзья до гроба!

— Ну уж нет! — отвечает Бледная поганка. — И не подумаю! Полюбуйтесь на этого дурня в красной шапке. Да ещё и в белую крапинку. Тебя же любой грибник с первого взгляда узнает, сразу поймёт, что ты за фрукт! А из-за тебя и нас ещё из кузова вышвырнет.

— Жёлчный гриб, дружище, — кричит Мухомор, — хоть ты мне протяни руку! Ты поганка, и я поганка. Друг друга нам выручать надо!

— Была бы охота! — ворчит Жёлчный гриб. — Ты же, дуралей, все наши поганкины обычаи нарушил, всю нашу ядовитую семью подвёл. Ну чего ты в красную шапку вырядился? Разве настоящая поганка станет сама в глаза всем кидаться да в ногах путаться? Уж коли ты поганка, так хоть прикинься порядочным грибом, под съедобного замаскируйся. Бери, глупыш, с нас пример! Правду я говорю, гриб Сатанинский?

— Ты, Жёлчный гриб, — отвечает гриб Сатанинский, — прав, как всег-

да! Ты, Мухомор, нас знаешь: мы до мозга костей поганки! А взгляни на нас — по виду разве заметно? То-то вот и оно! Мы в чужую одежду стараемся нарядиться. Да не во всякую там одежду, а с выбором. Кто среди всех грибов самый образцовый и положительный? Конечно же Белый гриб — Боровик. Он во все блюда мастер: в жарено, варено и в маринад. Хоть соли его, хоть суши — он только лучше становится. Вот я, Сатанинский гриб, и гриб Жёлчный в его одежду и вырядились! Попробуй-ка нас различи с ходу! И пиджачок одинаковый, и шляпа похожа. Потому нас грибник и спутал. А тебя пусти — ты ведь нас с головой выдашь!

— Учись у меня, — хвалится ядовитая Бледная поганка. — Из всех поганок я самая ядовитая, прямо как змея! А по одежке — распрекраснейший и нежнейший гриб Шампиньон! Меня вон грибник-незнайка и не распознал, а тебя, дурня, за версту узнает!

Полез Мухомор опять в кузов, а его опять выпихнули.

— Значит, так и не пустите? — рассердился он.

— Так и не пустим! Лучше и не проси! — отвечают поганки.

— До трёх считаю: раз, два... — пригрозил Мухомор.

— Три, четыре... — издеваются поганки.

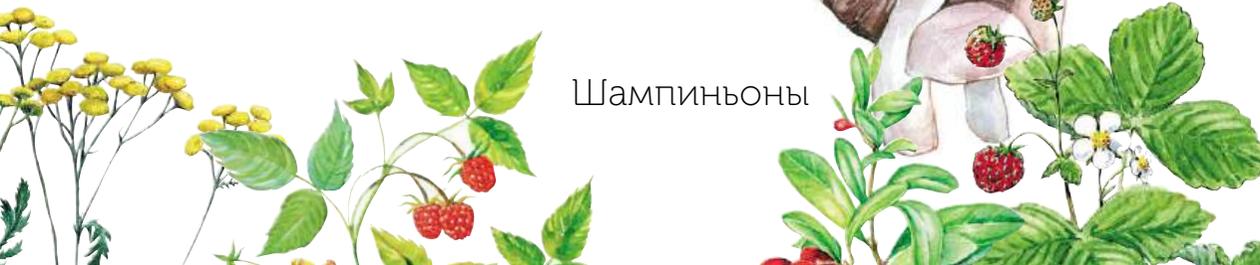
— Ну, поганки, держитесь! — заорал Мухомор. — Пеняйте на себя теперь! Я вас сейчас всех на чистую воду выведу! Все ваши приметы и хитрости грибникам выдам. «Мы — как белые! Мы — как шампиньоны!» Хоть вы и похожи, да не одно и то же! — И выволок из кузова грибы Жёлчный и Сатанинский, схватил их за шляпки и поставил рядом с Боровиком. — Смотрите все и запоминайте! По виду эти поганки и в самом деле похожи на гриб Боровик. Но если Сатанинскому надломить шляпку — вот так! — то на изломе она станет лиловатой, а если то же сделать с грибом Жёлчным — вот так! — то его шляпка на изломе станет розовой. Запомнили? А у тебя, благородный гриб Боровик?

— А у меня излом шляпки всегда белый! — ответил гордо гриб Боровик. И сам надломил себе шляпку. — Видели? Беленькая, чистенькая и не горькая!

А Мухомор не унимается:

— Теперь, Бледная поганка, твоя очередь! Становись рядышком с Шампиньоном. Сверху ты и впрямь на него похожа, а вот снизу — совсем другая! Какие у тебя пластинки под шляпкой? Белые, бледные. А у Шампиньона? А у Шампиньона они розова-

Шампиньоны

тые, а то буроватые. Вот и весь мой сказ! Кто там ещё в кузове прячется? Ага, ещё Ложный Опёнок с Ложной Лисичкой! Ну, эти обманщики не страшные, если их съедите — не отравитесь. Кыш по кустам!

Разогнал Мухомор всех поганок, посадил в кузовок гриб Боровик и гриб Шампиньон и говорит:

— Ну а меня-то вы уж ни с кем не спутаете! Как говорится — по Сеньке и шапка. И рад бы божьей коровкой прикинуться, да пятнышки выдадут!

И снова под листок спрятался.

Вернулся грибник, взял свой кузовок и пошагал домой. Так ничего и не заметил. Вот растяпа!

ГРИБ-ПОДГНЕЗДОВИК

Лесной конёк свил на земле гнёздышко, отложил в него яички и сел высидывать. И вот тут начались события необыкновенные! Чувствует конёк, что гнездо его кто-то снизу потихонечку приподнимает! Толчки — словно от землетрясения!

Конёк сидит, терпит. А гнездо под ним приподнимается, приподнимается и уже набок переворачивается!

Не стерпел тут и терпеливый конёк. Соскочил с гнезда — и бегом! А гнездо уже на боку, а гнездо уже вверх дном — как перевёрнутое лукошко. А рядом вылез из земли... гриб! Толстоногий и толстолобый. По виду гриб-подосиновик, а по делам — подгнездовик.

СЫРОЕЖКА ЗЕЛЁНАЯ

ВОЛНУШКА РОЗОВАЯ

ПОДОСИНОВИК

РАЗНООБРАЗИЕ ГРИБОВ

ОТЁНОК ОСЕННИЙ

ГРУЗДЬ ЧЁРНЫЙ

ЛИСИЧКА

САТАНИНСКИЙ ГРИБ

БЛЕДНАЯ ПОГАНКА

ПОДБЕРЁЗОВИК

БЕЛЫЙ ГРИБ

СЫРОЕЖКА БОЛОТНАЯ

МУХОМОР КРАСНЫЙ

БОРОВИК

ЗАЯЦ ЗАГАДЫВАЕТ ЗАГАДКУ

Зимой каждый заяц пишет дневник. Пишет лапами по снегу: где был, что делал, куда пошёл. Весь снег в заячьих строчках — читай и переводи. Переводить с заячьего на человеческий интересно и просто. Вот у дороги написано: «Сидел на обочине и слушал: не идёт ли кто?» У поваленной осины написано: «Горькие веточки глодал — зимой и тому рад!» В низинке написано: «В мелочах кружил — след свой перед лёжкой путал». И дела и слова всё знакомые и привычные.

Но вот запись, которую перевести тоже просто, а вот понять — трудно. «Нору в снегу копал до самой земли». Всё верно: снег, в снегу нора до земли. И не малая — глубже метра. На дне мох мороженный надран, «шишка» рогоза растрёпанная. Может, заяц по зелени истосковался? Да нет, не похоже: ни мох, ни «шишка» не тронуты — только растрёпаны и брошены. Зачем же тогда заяц нору копал? Спать беляк в норе не ложится и от ветра в норы не прячется. Да и по следам видно: нору выкопал, «шишку» рогозовую растрепал да и поковылял дальше.

Заяц-беляк

Вот вам и загадка: зачем зайцы зимой норы роют? А вот и вторая: как узнаёт заяц, что под толщей снега именно тут лежит «шишка» рогаза? А вот и третья: зачем зайцу мох и рогаз, если он не ест ни то ни другое?

И так вот всегда в лесу: одна загадка тянет вторую, вторая третью — без конца!

ПЯТЬ ТЕТЕРЕВЕЙ

Прилетел в зорьку на обочину тетеревиного тока рябчик и завёл свою песенку: «Пя-ять, пя-ять, пять тетеревей!»

Я пересчитал: шесть косачей на току! Пять в стороне на снегу, а шестой рядом с шалашкой, на седой кочке сидит.

А рябчик своё: «Пя-ять, пя-ять, пять тетеревей!»

— Шесть! — говорю я.

«Пя-ять, пя-ять, пять тетеревей!»

— Шесть! — стукнул я по колену. —

Считать не умеешь!

Ближний — шестой — услышал, испугался и улетел.

Рябчик

«Пя-ять, пя-ять, пять тетеревей!» — свистит рябчик.

Я молчу. Сам вижу, что пять. Улетел шестой.

А рябчик не унимается: «Пя-ять, пя-ять, пять тетеревей!»

— Я же не спорю! — говорю я. — Пять так пять!

«Пя-ять, пя-ять, пять тетеревей!» — рябчик свистит.

— Без тебя вижу! — рывкнул я. — Небось не слепой!

Как залопочут, как замельтешат белые крылья — и ни одного тетерева не осталось! И рябчик улетел с ними.

ВСЕ ХОТЯТ ПЕТЬ

Жабы поют, совы бубнят. Шмель гудит басом. Про птиц и говорить нечего! От зари до зари поют.

Скворцу своей песни мало, так он чужие перепевает. Сидит на берёзе, блестящий и чёрный, словно в дёготь окунутый, разводит крылышками, словно сам себе дирижирует, и щёлкает клювом, как парикмахер ножницами.

Скворцы

То белобровником просвистит,
то вертишейкой прокричит, то
уточкой крякнет. И петухом, и гу-
саком, и барашком.

Иволгой, пеночкой, сорокой!
На разные голоса: и за себя,
и за всех.

Пеночка-
трещотка

ПОЮЩИЙ ЁЖ

Ёжик — загадочный друг детства. Все его знают, все его любят, все его находили. Знаменит он своими колючками и тем, что непременно убежит, как бы его ни берегли.

У каждого юнната был свой ёж. И уж о нём-то, кажется, всё известно. Любит молоко, ловит мышей и лягушек, смело вступает в бой с гадюкой. При тревоге сворачивается в колючий шар, если трогать — грозно пыхтит и поддаёт иголками. А если не трогать, то скоро высунет из колючек свой мокрый нос, пошмыгает им и выставит глаз. Нет никого — покатится коlobком. Ну, а если домой взять да приласкать, он скоро и сворачиваться перестанет. И иголки его в одну сторону лягут — хоть гладь, как котёнка. Станет совсем домашним, этаким топотун-хлопотун.

Ёж

И вот оказывается, что у этого знакомого всем зверька тоже есть тайна.

Говорил мне один лесник, человек наблюдательный и правдивый, что ёж, будто бы, весной... поёт! Да не как там нибудь, а по-настоящему, чем-то похоже на птицу.

Сам я поющего ежа не слышал. Но рассказы об этом слышал не раз. Непременно бы надо проверить. Может, из вас кто слышал ежиное пение? Тогда расскажите нам.

ПОЧЕМУ ЗЯБЛИК — ЗЯБЛИК?

Давно я дознавался: почему зябликов зябликами зовут?

Ну славка-черноголовка — понятно: у самчика беретик чёрный на голове.

Зарянка — тоже ясно: поёт всегда на заре и нагрудничек у неё цвета зари.

Овсянка — тоже: на дорогах всю зиму овёс подбирает.

А вот почему зяблик — зяблик?

Зяблики ведь совсем не зяблики. Весной прилетают, как только снег сойдёт, осенью часто до нового снега задерживаются. А бывает, кое-где и зимуют, если корм есть.

И всё-таки назвали вот зяблика зябликом!

Этим летом я, кажется, эту загадку разгадал.

Шёл я по лесной тропинке, слышу — зяблик гремит! Здорово поёт: головку запрокинул, клюв разинул, на горлышке пёрышки дрожат — будто он горло водой полощет. И песенка из клюва так и брызжет: «Витт-ти-ти-ти, ви-чу!» Даже хвостик трясётся!

И тут вдруг тучка наплыла на солнце: накрыла лес тень. И зяблик сразу сник. Нахохлился, насупился, нос повесил. Сидит недовольный и уныло так произносит: «Тр-р-р-р-рю, тр-р-р-р!» Будто у него от холода «зуб на зуб» не попадает, таким дрожащим голоском: «Тр-рю-ю!»

Кто такого увидит, сразу подумает: «Ишь зяблик какой! Чуть солнце за тучку, а он уже и нахохлился, задрожал!»

Вот почему зяблик стал зябликом!

У всех у них такая повадка: солнце за тучу — зяблики за своё «трю». И ведь не от холода: зимой-то и похолоднее бывает.

Разные на этот счёт есть догадки. Кто говорит — у гнезда беспокоится, кто — перед дождём так кричит. А по-моему, недоволен он, что солнце спряталось. Скучно ему без солнца. Не поётся! Вот он и брызжит.

Впрочем, может, и я ошибаюсь. Разузнайте-ка лучше сами. Не всё же вам готовенькое в рот класть!

Зяблики

ТАЙНА ВАЛЬДШНЕПА

Своими глазами видел — один раз в жизни! — как вальдшнепиха несла по воздуху вальдшнепёнка. Она стиснула его с боков лапками, прижала к груди и несла его меж ветвей осин. Вальдшнепёнок уже был большой, она его еле тащила. Казалось, летит тяжёлая, неуклюжая птица... с двумя головами!

Разглядеть такое не просто. Вальдшнеп — птица стремительная, любит густые заросли. Поэтому редко кто такое видел. И вот те, кто не видел, не верят. Не может быть, заявляют они, только звери способны своих детёнышей переносить, да и то в зубах, а не в лапах. Птицам такое не по уму, не по силам!

И верно: ни одна птица птенцов своих в лапах не переносит. Крохали иногда носят в клювах. Чём-га на спине катает. А вот чтобы в лапах — никто.

Никто... кроме вальдшнепа! Это уж я своими глазами видел.

Давайте наконец решим этот спор: переносит или не переносит? А решить его мы сможем только тогда, когда многие это увидят. Только знайте: это не просто. Было бы просто, давно бы всё было решено.

Вальдшнеп

ЛЕЖАЧИЙ КАМЕНЬ

Свиристель

Летела летом над поляной иволга золотая, увидала Камень лежащий, свистнула:

— Глупый ты, Камень! Всю жизнь на одном месте лежишь, ничего-то не видишь и не знаешь. А я на далёком Юге была, много чудес видела!

Промолчал Камень.

Пролетал зимой над поляной Свиристель хохлатый, увидел Камень полузасыпанный и просвиристел:

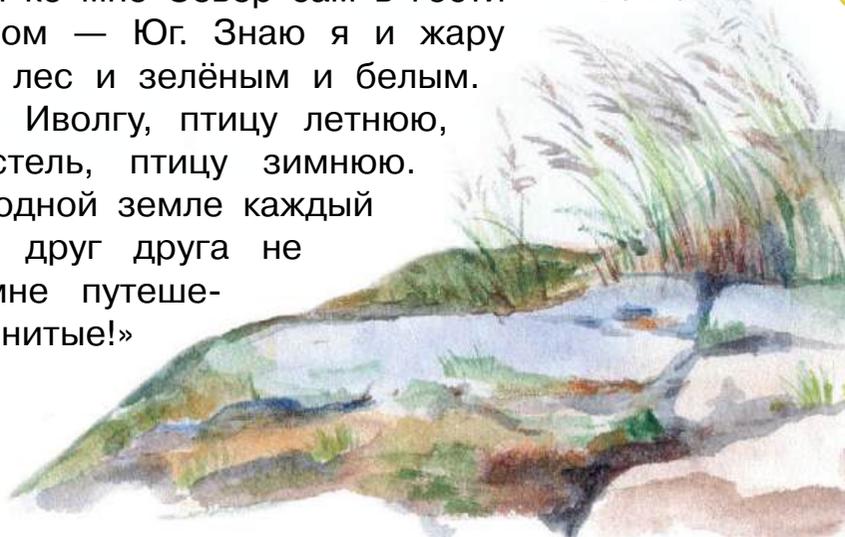
— Глупый ты, Камень! Всю жизнь на одном месте торчишь, ничего не видишь. А я на далёком Севере вырос, много чудес видел!

Опять промолчал Камень, но про себя подумал:

«Больше вашего я видел, хвастунишки пернатые! Зимой ко мне Север сам в гости приходил, а летом — Юг. Знаю я и жару и мороз. Видел лес и зелёным и белым. Знаю я и тебя, Иволгу, птицу летнюю, и тебя, Свиристель, птицу зимнюю. А вот вы-то на одной земле каждый год бываете, а друг друга не видели! Тоже мне путешественники знаменитые!»

Иволга

КАКИЕ ПТИЦЫ ПРИЛЕТАЮТ
К НАМ ВЕСНОЙ?

ГРАЧ

ДЕРЕВЕНСКАЯ
ЛАСТОЧКА

ЖАВОРОНОК

САДОВАЯ
ОВСЯНКА

БОЛОТНАЯ
КАМЫШОВКА

ЧЁРНЫЙ
ДРОЗД

ПЕВЧИЙ ДРОЗД

МУХОЛОВКА

БЕЛАЯ ТРЯСОГУЗКА

ДРОЗД-РЯБИННИК

МЕДВЕЖЬЯ ГОРКА

Увидеть зверя непуганым, за его домашними делами — редкая удача. Мне пришлось.

Искал я в горах горных индеек — уларов. До полудня пролазал зря. Улары — самые чуткие птицы гор. И лазать за ними приходится по кручам у самых ледников.

Устал. Присел отдохнуть.

Тишина — в ушах звенит. Жужжат на припёке мухи. Кругом горы, горы и горы. Вершины их, как острова, поднялись из моря облаков.

Разомлел я на припёке. И заснул. Проснулся — солнце уже вечернее, с золотым ободком. От скал протянулись вниз узкие чёрные тени. Ещё тише стало в горах.

Вдруг слышу: рядом за бугром, будто бык вполголоса: «Му-у-у! Му-у-у-у!» И когтями по камням — шарк, шарк! Вот так бык! С когтями...

Выглядываю осторожно: на уступе ската медведица и два медвежонка. Медведица только проснулась. Закинула башку вверх, зеваёт. Зеваёт и брюхо лапой чешет. А брюхо толстое, мохнатое. Медвежата тоже проснулись. Смешные, губастые, головастые. Сонными глазами луп-луп, с лапы на лапу переминаются, плюшевыми башками покачивают. Поморгали глазами, покачали башками — и схватились бо-

роться. Лениво спросонок борются. Нехотя. Потом разозлились и сцепились всерьёз. Кряхтят. Упираются. Ворчат. А медведица всей пятернёй то по брюху, то по бокам: блохи кусают!..

Послюнил я палец, поднял — ветер на меня тянет. Перехватил ружьё половчее. Смотрю.

От уступа, на котором были медведи, до другого уступа, пониже, лежал ещё плотный нестаявший снег. Дотолкались медвежата до края — да вдруг и скатились по снегу на нижний уступ. Медведица перестала брюхо чесать, перегнулась через край, смотрит. Потом позвала тихо: «Р-р-рму-у-у!»

Покарабкались медвежата наверх. Да на полгорке не утерпели и схватились опять бороться. Схватились — и опять покатались вниз. Понравилось им. Выкарабкается один, ляжет на пузечко, подтянется к краю — раз! — и внизу. За ним второй. На боку, на спине, через голову. Визжат: и сладко, и страшно. Я и про ружьё забыл. Кому же придёт в голову стрелять в этих неслухов, что штаны себе на горке протирают! Медвежата наловчились: схватятся и катятся вниз вдвоём. А медведица опять раздремалась.

Долго смотрел я на медвежью игру. Потом вылез из-за камня.

Увидели меня медвежата — притихли, во все глаза глядят. А тут и медведица меня заметила. Вскочила, фыркнула, вскинулась на дыбы. Я за ружьё. Глаза

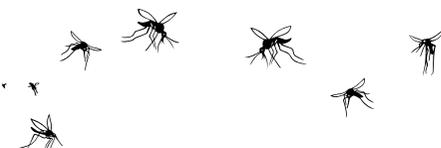
в глаза смотрим. Губа у неё отвисла, и два клыка торчат. Клыки мокрые и от травы зелёные.

Вскинул я ружьё к плечу. Медведица схватилась обеими руками за башку, рывкнула — да вниз с горки, да через голову! Медвежата за ней — снег вихрем! Я ружьём вслед машу, кричу:

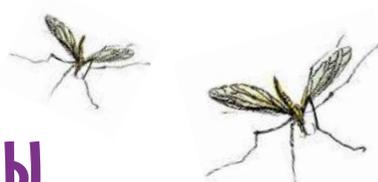
— А-а, растяпа старая, будешь спать!

Скачет медведица по скату так, что задние лапы за уши забрасывает. Медвежата сзади бегут, курдючками толстыми трясут, оглядываются. И холки горбиком — как у мальчишек-озорников, которых матери закутают зимой в платки: концы под мышки и на спине узел горбиком.

Убежали медведи. «Эх, — думаю, — была не была!» Сел я на снег и — раз! — вниз по накатанной медвежьей горке. Оглянулся — не видал ли кто? — и, весёлый, пошёл к палатке.

ПЛАСУНЫ

Комары-толкунуны — плясуны известные. Пляшут они где придётся, было бы только тепло. Тепло их бодрит, веселит, прямо на воздух поднимает.

Где тихо, солнечно, где нагрето — там и площадка для танцев. В тёплых струях легче плясать.

Пока на земле ещё снег лежит, пляшут они меж тёплых сосновых ветвей.

Потом толкнутся над первой прота-

линой. Над оттаявшим муравейником, над прогретой поленницей дров, над копной соломы. Над отогревшимся склоном, над подсохшей тропинкой, над вскопанной грядкой. Вверх-вниз, вверх-вниз живой столбик золотистых пылинок. Каждую победу весны они отмечают танцем.

Весна идёт — и ширятся танцы. Любят комарики поплясать!

Бывает, над головой зароятся. Гонишь-гонишь, а им нипочём. Пляши, раз тепло и солнце. А что там внизу чья-то голова или поленница дров — какое им дело? До этого им дела нет.

ДОМАШНЯЯ БАБОЧКА

Ночью в коробке вдруг зашуршало. И выползло из коробки что-то усатое и мохнатое. А на спине сложенный веерок из жёлтой бумаги.

Но как я обрадовался этому уродцу!

Я посадил его на абажур, и он неподвижно повис вниз спиной. Сложенный гармошкой веерок стал отвисать и распрямляться.

У меня на глазах безобразный мохнатый червяк превращался в прекрасную бабочку. Наверное, так вот лягушка превращалась в царевну!

Всю зиму куколки пролежали мёртво и неподвижно, словно камешки. Они терпеливо ждали весну, как ждут её семена в земле. Но комнатное тепло обмануло: «семена проросли» раньше срока. И вот по окну ползает бабочка. А за окном зима. А на окне ледяные цветы. Живая бабочка ползает по мёртвым цветам.

Она порхает по комнате. Садится на эстамп с маками. Развернув спиральку тоненького хоботка, пьёт из ложечки сладкую воду. Опять садится на абажур, подставив крылышки жаркому «солнцу».

Я смотрю на неё и думаю: а почему бы не держать дома бабочек, как держим мы певчих птиц? Они порадуют цветом. И если это не вредные бабочки, весной их, как птиц, можно выпустить в поле.

Есть ведь и певчие насекомые: сверчки и цикады. Цикады поют в спичечном коробке и даже в неплотно стиснутом кулаке. А сверчки пустыни поют прямо как птицы.

Завести бы дома красивых жуков: бронзовок, жу-желиц, оленей и носорогов. А сколько можно при-ручить диких растений!

А волчье лыко, медвежье ухо, вороний глаз! А по-чему бы не развести в горшках прекрасные мухомо-ры, огромные грибы-зонтики или гроздья опят?

На дворе будет зима, а у вас на подоконнике лето. Папоротники высунут из земли зелёные кулач-ки. Ландыши вывесят восковые бубенчики. Раскроет-ся чудо-цветок белой кувшинки. И запорхает первая бабочка. И запоёт первый сверчок.

...И чего только не напридумываешь, глядя на ба-бочку, пьющую из ложечки чай с вареньем!

ЖУК-НОСОРОГ

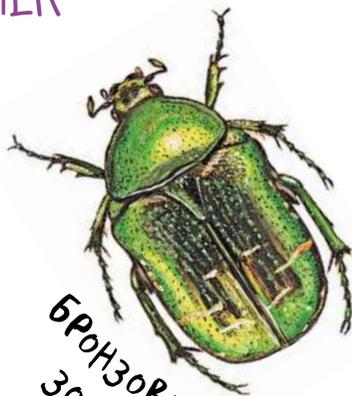

ПАВЛИНИЙ ГЛАЗ НОЧНОЙ

РАЗНООБРАЗИЕ ЖУКОВ И БАБОЧЕК

ПЕСТРЯНКА

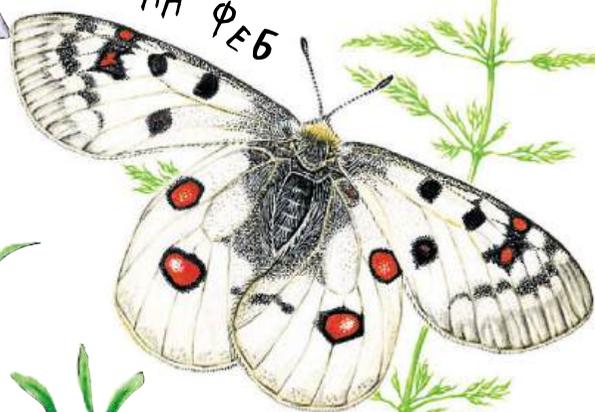
БРОНЗОВКА
ЗОЛОТИСТАЯ

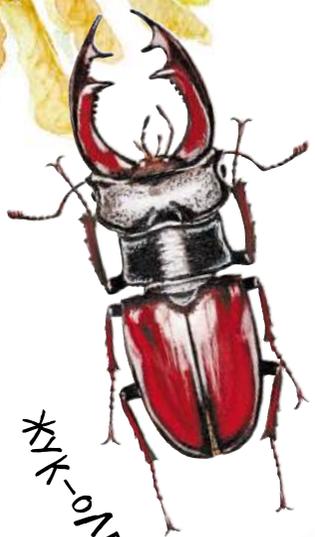

МНОГОЦВЕТНИЦА

АПОЛОН ФЕБ

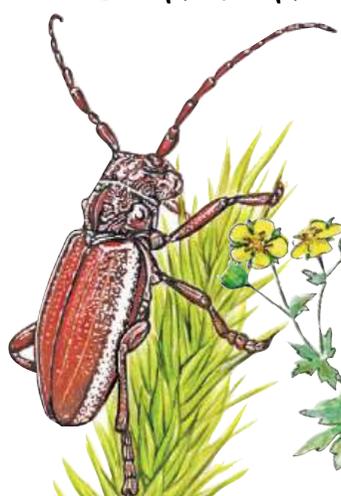
ЖУК-ОЛЕНЬ

БРАЖНИК

ЖУЖЕЛИЦА
ЛЕСНАЯ

КОРНЕЖИЛ
РЕБРИСТЫЙ

ЧЕРВОНЕЦ ПЯТНИСТЫЙ

КАК МЕДВЕДЬ САМ СЕБЯ НАПУГАЛ

Вошёл в тёмный лес медведь — хрустнула под тяжёлой лапой валежина. Испугалась белка на ёлке — выронила из лапок шишку. Упала шишка — угодила зайцу в лоб. Сорвался заяц с лёжки — помчался в гущину. На тетеревиный выводок наскочил — переполошил всех до смерти. Сойку из-под кустов выпугнул. Сороке на глаза попался — та крик подняла на весь лес. У лосей уши чуткие, слышат: сорока стрекочет! Не иначе, охотников видит. Пошли лоси по лесу кусты ломать! Журавлей на болоте вспугнули — те закурлыкали. Кроншнепы закружили, засвистели уныло. Остановился медведь, насторожил уши.

Недоброе творится в лесу: белка стрекочет, сорока и сойка трещат, лоси кусты ломают, болотные птицы кричат тревожно. И позади кто-то топочет!

Не уйти ли подобра-поздорову?

Рявкнул медведь, уши прижал да как даст стрекача! Эх, знать бы ему, что позади-то заяц топотал,

Медведь

Заяц-русак

тот самый, которому белка шишкой в лоб угодила. Так сам себя медведь напугал, сам себя из тёмного леса выгнал. Одни следы на грязи остались.

ПТИЦЫ ВЕСНУ ПРИНЕСЛИ

Грачи прилетели — проталины принесли. Трясогузки-ледоломки лёд на реке раскололи. Зяблики появились — зелёная травка заворсилась.

Дальше — больше. Пеночки прилетели — цветы запестрели. Кукушка вернулась — листья на берёзах проклюнулись. Соловьи показались — черёмуха зацвела.

Весна так и делается: каждый понемножку.

СИПЛАЯ КУКУШКА

Зацвела черёмуха, и грянули черёмуховые холода. Туман на рассвете не поднялся колечком с лесной поляны, а замёрз и лёг на поляну инеем. Небо блёклое, не поймёшь, каким оно днём станет: то ли синим, то ли серым?

Тихо в лесу. Одна кукушка кукует. Все другие птицы молчат: боятся, наверное, горлышко застудить. А кукушка орёт себе с придыханием, как в берестяную дудку. Кричит и кричит своё «ку-ку»!

И докричалась.

Вечером её слышал — совсем осипла. Вместо «ку-ку» кричит: «Хы-хо! Хы-хо!»

Видно-таки, застудила горло!

Кто не слышал таких осипших кукушек? Одни говорят, что это они от собственного крика сипнут. Ведь кричат от зари до зари, а бывает, и ночью!

Другие говорят: колоском, мол, подавилась. Но какие в мае колоски?

Ещё говорят, что в черёмуховые холода самые неугомонные от холода сипнут. По-разному говорят.

Про черёмуховые холода у нас тоже ведь говорят по-разному. Кто объясняет похолодание тем, что черёмуха цветёт, кто — ладожский лёд идёт. А знатоки утверждают, что в это время льды в Арктике раскалываются и сдвигаются.

Как всё-таки здорово!

Где-то в далёкой Арктике льды зашевелились, а у нас кукушка осипла. Где аукнулось — и где откликнулось!

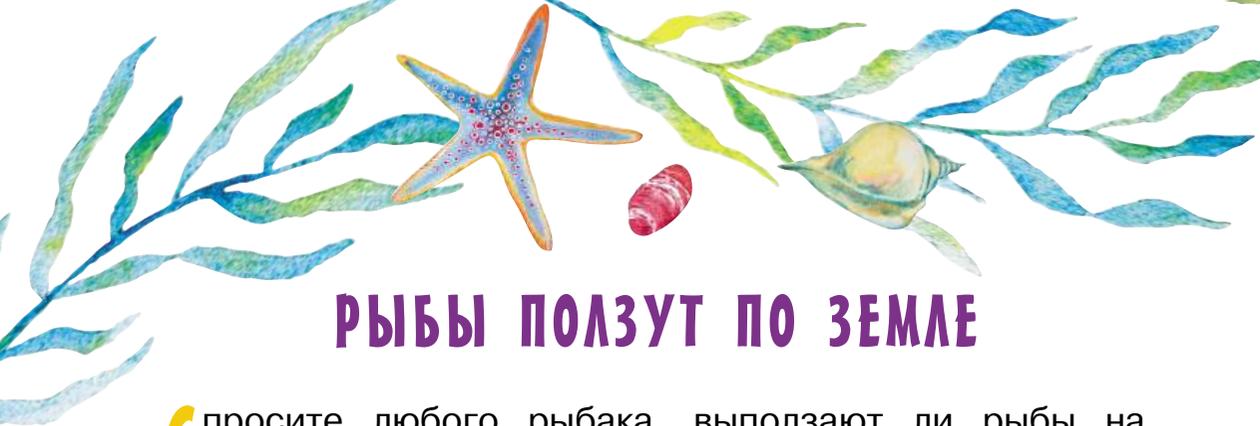

КУКУШКИ

СОЛОВЕЙ

ЖЁЛТАЯ ТРЯСОГУЗКА

ПЕНОЧКА-
ВЕСНИЧКА

РЫБЫ ПОЛЗУТ ПО ЗЕМЛЕ

Спросите любого рыбака, выползают ли рыбы на сушу, и он, не задумываясь, сразу ответит: угри. Ещё и подробности вам расскажет. Любят-де угри выползать на берег в лунные росные ночи. Ползают по траве как змеи, ловят червей, лягушек, кузнечиков. Даже горох на поле воруют.

Теперь спросите, сами они это видали или от других слышали? Нет, ответят, сами не видели, слышали от других.

Вот и я от других слышал. И не раз слышал. И всё-таки как-то не верится? Ну зачем рыбе на сушу лезть? Про горох-то, уж наверное, выдумка: угри — рыбы хищные, горох им совсем ни к чему. Ну, а червей, лягушек, кузнечиков слопают с удовольствием. И видится: угри, ленивые и чёрные, высываются из воды свои змеиные головы и, извиваясь, выползают на берег. В серебристой от росы и луны траве они ищут добычу...

Неужели так оно и бывает? А почему бы и нет? Ведь живёт же в африканских реках анабас-ползун, которая, когда река пересыхает, без труда переползает по суше в соседнюю.

Угрь

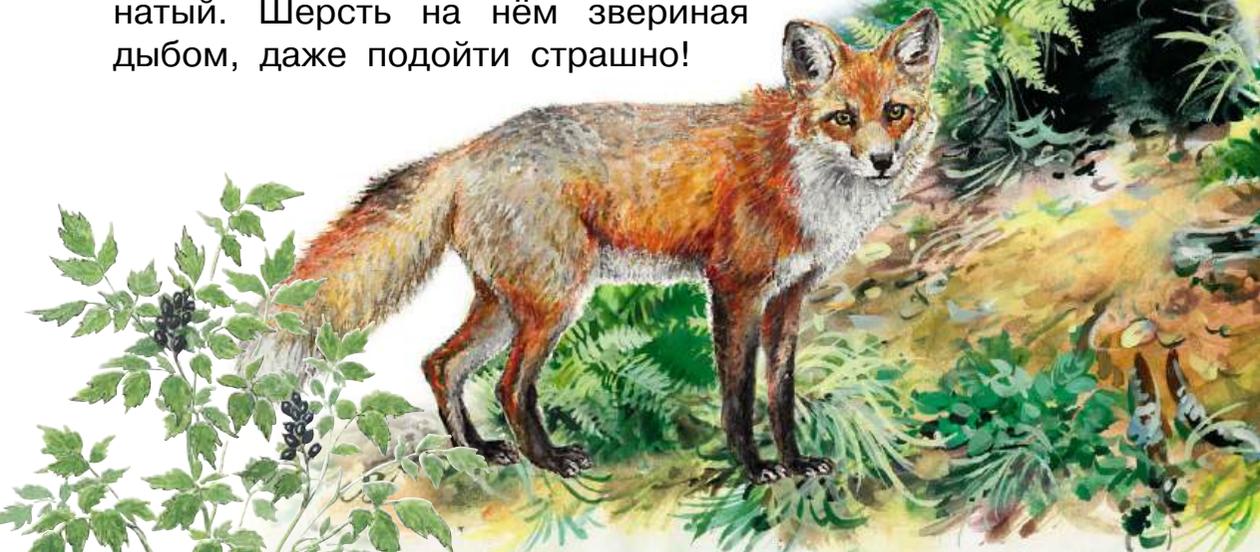
Но лучше, конечно, самим всё проверить. Распросить, разузнать, проследить. Может, и наш угорь такой же диковинный, как африканский ползун? А может, и нет...

ЛЕСНОЙ ГРЕБЕШОК

Что ни куст густой, то гребешок лесной. И ни одного неряху линючего гребешок не пропустит — непременно причешет. Лиса ли, медведь ли, заяц — ему всё равно: всех расчёсывает, причёсывает, приглаживает. С зайца белый клоч, с лисы — рыжий пук, с медведя — бурые космы.

Иной куст, самый густой да колючий, — шиповник или боярышник, — сам за весну станет как зверь мохнатый. Шерсть на нём звериная дыбом, даже подойти страшно!

ПЕСЕЦ
ЗИМОЙ

ПЕСЕЦ ЛЕТОМ

КАКИЕ ЗВЕРИ ЗИМОЙ И ВЕСНОЙ

ШУБКУ МЕНЯЮТ?

МЕДВЕДЬ

ГОРНОСТАЙ ЗИМОЙ

ГОРНОСТАЙ ЛЕТОМ

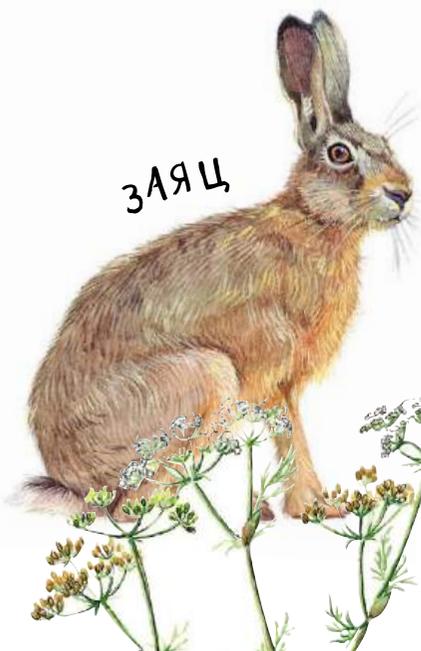
ЛИСА ЗИМОЙ

ЛИСА ЛЕТОМ

ЗАЯЦ

БЕЛКА

ПТИЧЬИ ПРИЧЁСКИ

Птичьи причёски можно смело в парикмахерских выставлять. И при виде их дрогнет и замрёт не одно сердце. Ну, например, вот. Это степной щёголь — журавль. Его так и называют: журавль-красавка. Правда, хорош?

Он ловко шагал, как шагает спортсмен или танцор. Он посматривал свысока, с ленцой поворачивал стройную шею, и белые косицы его чуть подрагивали в такт широким шагам. Как съёжилось бы его птичье сердце, если бы он вдруг заметил меня! Но он не заметил, сердце его не сжалось. И тогда моё подскочило от радости: я мог спокойно снимать!

Вот ещё замечательная причёска. Когда он заметил меня, «волосы» на его голове встали дыбом! Глухим, каким-то потусторонним голосом он прокричал: «Кто-то тут? Кто-то тут?»

— Никого нету тут, — пробурчал я, пытаюсь усыпить его бдительность.

Удод недоверчиво покосился, но причёска его улеглась.

Два раза ещё он распускал свой лихой и роскошный хохол: один раз, когда к нему подсела его подружка, и второй раз, когда он так перед нею раззадавался, что чуть не упал с ветки!

Журавль-красавка

ВАЖНЫЙ ЗВЕРЬ

Омут чёрный, дна не видно, берег круто спускается в глубину. И весь он какой-то бурый, мохнатый — как войлок. И тоже тёмный.

И только в одном месте цепочка ярко-жёлтых пятен — как освещённые иллюминаторы на борту парохода. Тут кто-то живёт!

Жёлтые пятна — это кучки песка.

Над ними темнеют норы. Вот из золотой норы вываливается серебряный зверь — как воздушный пузырь, как ком живой ртути!

У зверя тупая мордочка морской свинки, голый хвост крысы и чёрные утиные лапки.

Плывёт он вразвалку и вперевалку — как ленивый байбак. Это ондатра.

На берегу у неё столовая — груды раковин-беззубок, похожих на осколки битых тарелок из перламутра.

Вот какой важный зверь: сам серебряный, нора золотая, посуда — перламутровая!

Ондатра

ВЕСЁЛАЯ ИГРА

Притащила лиса лисятам мышей на обед. А лисята сыты — давай с мышами играть. Двое одну мышь схватили — тянут-потянут. А один сразу трёх мышей в пастишку — хап! Только хвостики висят.

Играли, пока не надоело. Тогда мышей бросили — в нору залезли. Легли у входа, мордочки на передние лапки положили — смотрят из темной норы на светлый мир. И видят: прилетели к норе мухи. Закружили, зажужжали. За мухами — птичка-трясогузка. Тоненькая такая, серенькая. Хвостиком качает и ножками семенит. Пробежит и остановится, пробежит и остановится. А остановится — и закачает хвостиком. На мух смотрит.

Съежились лисята. Трясогузка вправо, и лисьи глаза вправо, трясогузка влево — глаза влево. Так и перекатываются.

Лисята как выскочат! Чуть-чуть птичку не поймали.

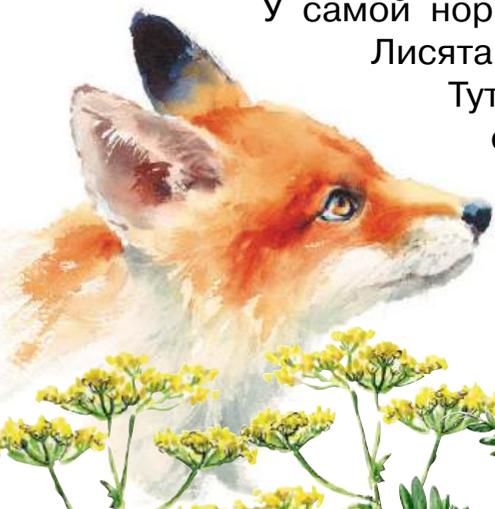
Опять в нору забились — караулят.

Опять слетелись мухи. За мухами — трясогузка.

У самой норы хвостиком дразнит.

Лисята как выскочат — чуть не поймали!

Тут уж и не поймешь: игра это или охота?

Мышь
лесная

Вот в который раз выскочили — и опять зря. Сбились в кучку. А сверху, с синего неба, нависла тень, заслонила солнце.

Кинулись лисята разом в нору — еле протиснулись.

Это орёл их припугнул.

Видно, ещё молодой орёл, не бывалый. Тоже, наверное, играл — у всех зверят да у птиц все игры в охоту. Только игрушки у всех разные. У одних — мыши, у других — лисята. Играй да поглядывай!

А удобная это игрушка — мышь. Хочешь — в охоту с ней играй, хочешь — в прятки. А надое-ло — хап! — и съел.

ШЁПОТ РЫБ

Когда в первый раз заглянешь под воду, то хочется только смотреть и смотреть. Но оглядишься — и уже хочется вмешиваться в жизнь подводного мира: хочется рисовать, фотографировать, охотиться. Но больше всего хочется узнавать. К тебе подплывают рыбы, рты их открываются и закрываются, будто они что-то шепчут...

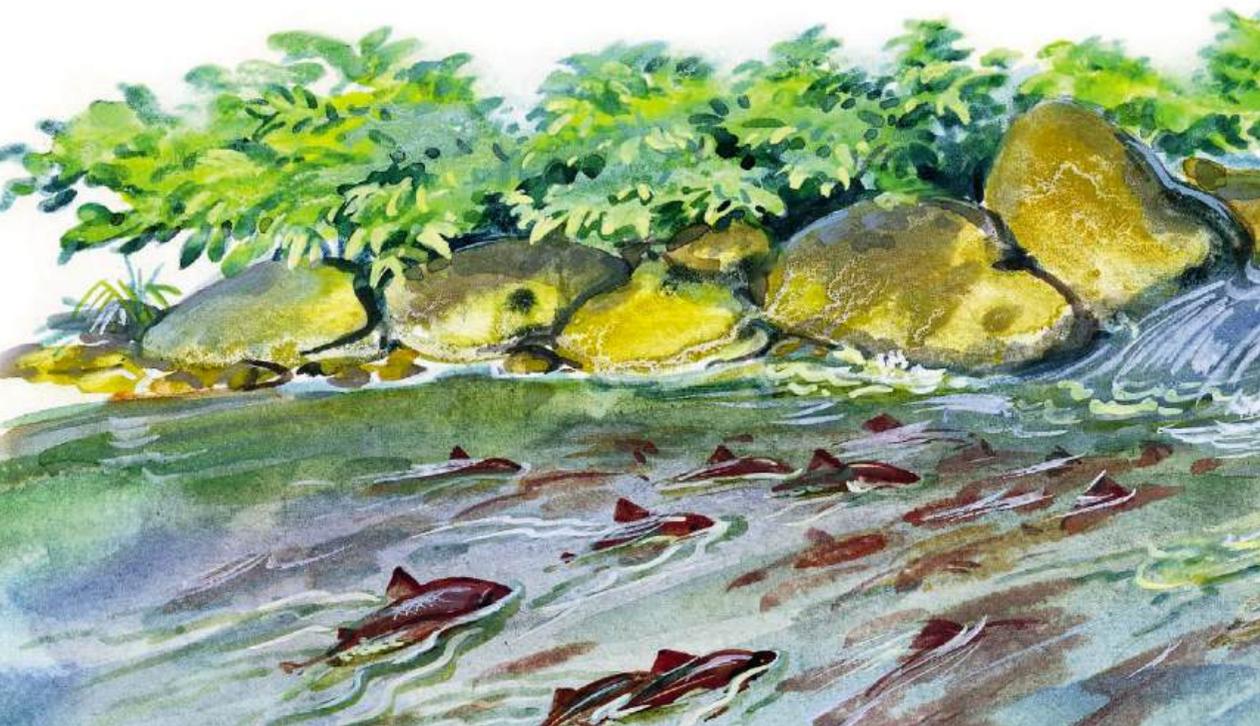
Чтобы приучить к себе рыб и понять их язык, я устроил под водой сад. Я опустил на дно ёлочки и укрепил их большими камнями.

Расчистил песчаные аллеики и обсадил их водорослями. Под водорослями разложил большие раковины.

Ночью я зажигаю в саду подводный фонарь, рыбы танцуют и порхают вокруг фонаря, как ночные бабочки.

На песчаной полянке я вбил кол и к колу прикрепил полочку. На полочку сыплю пареное зерно и крупу, кладу червяков и кузнечиков. Это кормовая полочка, совсем такая, как и для птиц. И, словно птицы, на полочку слетаются яркие рыбы: окуньки, плотвички, уклеи. Начинается возня, суматоха, догонялки и отнималки. Точь-в-точь как у птиц. Только не слышно птичьего чириканья и писка. И не потому, что чириканья и писка нет: крику даже больше, чем у птиц. Но человеческое ухо так устроено, что не может слышать рыбьего голоса. Для этого нужно иметь особый, сложный прибор.

У меня не было такого прибора, и я не слышал, что говорят рыбы. Но, кроме хитрых приборов, есть на свете простой, но верный способ услышать бессловесных животных. Для этого нужно очень их любить...

Мне очень понравились живые рыбы, и потому, наверное, я понял, что они хотели мне сказать.

Рыбы оказались большими хвастунишками! Они хвастали, что люди об их жизни знают совсем мало: куда меньше, чем о жизни зверюшек и птиц. Что вот только теперь, когда даже ребята смогут пользоваться водолазной маской и наблюдать рыб под водой, они расскажут людям кое-что интересное.

Рыбы хвастались, что они спасают людей от комаров и малярии: ведь они так много поедают комариных личинок!

Рыбы говорили, что если они покинут озёра и реки, то ребятам придётся выбросить свои удочки.

А озёра и реки станут пустынно и неинтересны, как леса, из которых улетели птицы.

Рыбы жаловались. Они жаловались на жадных рыбаков, которые вылавливают их сетью с мелкой ячейкой. В такой сети запутываются даже мальки, не успевшие пожить и нагулять рыбьего жирку. Они жаловались на бесхозяйственность людей, которые сваливают в озёра и реки всякий хлам и спускают туда загрязнённую воду. От этого гибнут все рыбы, старые и малые. Щуки и форели жаловались на охотников, которые стреляют в них из ружей во время нереста.

Рыбы просили ребят расчищать стоки в озёрах, а то от застоя в них начинает портиться вода.

Жители мелких озёр очень просили пробивать зимой лунки во льду чтобы не задохнуться.

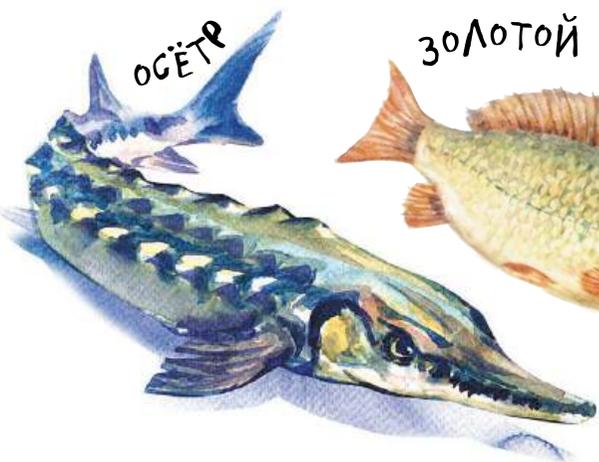
И за всё это рыбы обещали — все в один голос! — не покидать водоёмов и веселее клевать летом на ребячьи удочки. Даже если приманка на крючке будет невкусная, а поплавок будет такой огромный, что его и под воду-то нелегко окунуть.

Это уже известно: там, где рыба хорошо живёт, всегда веселее и клёв!

Вот сколько дел тем, кто захочет не только рыб ловить, но и помочь им.

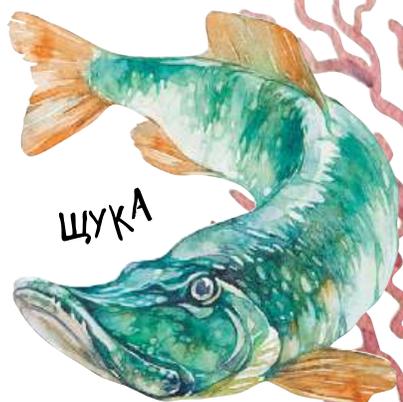
ОСЁТР

ЗОЛОТОЙ КАРАСЬ

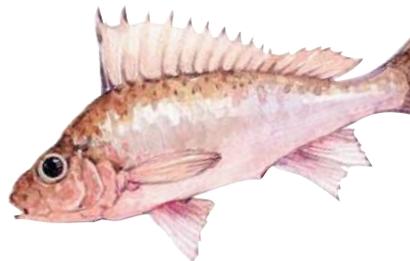

ЩУКА

В НАШИХ ЛЕСНЫХ РЕКАХ ВОДИТСЯ:

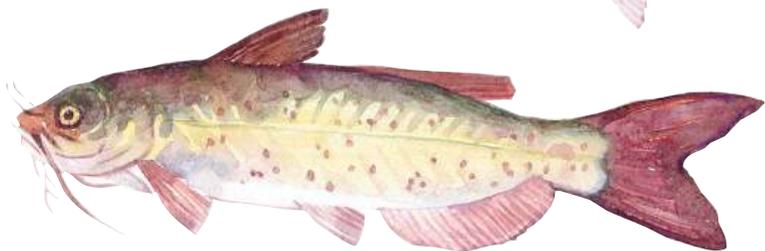
ЁРШ

ЛОСОСЬ

СОМ

ОКУНЬ

ПЛОТВА ОБЫКНОВЕННАЯ

ГНЕЗДО

Дрозд в развилку берёзы положил первый пучок сухой травы. Положил, расправил клювом и задумался.

Вот он — торжественный миг, когда всё позади и всё впереди. Позади зимовка в чужих южных лесах, тяжёлый далёкий перелёт. Впереди гнездо, птенцы, труды и тревоги.

Развилка берёзы и пучок травы как начало новой жизни.

Что ни день, то выше гнездо и шире. Однажды дроздиха села в него и осталась сидеть. Она вся утонула в гнезде, снаружи торчали нос да хвост.

Но дроздиха видела и слышала всё.

Тянулись по синему небу облака, а по зелёной земле ползли их тени. Прошагал на ногах-ходулях лось. Неуклюже проковылял заяц. Пеночка-весничка, пушистая, как вербный барашек, поёт и поёт про весну.

Берёза баюкает птичий дом. И на страже его — хвост и нос. Торчат как два часовых. Раз торчат, — значит, всё хорошо. Значит, тихо в лесу. Значит, всё впереди!

ПЫЛЕСОС

Старая история: воробей, пока не прилетели скворцы, решил скворечник занять. Напыжился, почирикал для храбрости и нырнул в леток.

Старую подстилку выносил пучками. Выскочит, а в клюве целый сноп. Разинет клюв и смотрит, как сухие травинки падают вниз.

Большие перья вытаскивал по одному. Вытащит и пустит на ветер. И тоже следит: поплывёт перо или штопором вниз закрутится?

Всё старое нужно выкинуть дочиста: ни соринки чтоб, ни пылинки!

Легко сказать — ни пылинки. А пылинку Воробьи ни в коготках не зажать, ни клювом ухватить.

Вот вынес в клюве последнюю соломинку, вот выбросил последнее перо. Остался на дне один сор. Пылинки, соринки, шерстинки. Кожица от личинок, перхоть от пера — самая дрянь!

Посидел воробей на крыше, затылок лапкой почесал. И в леток!

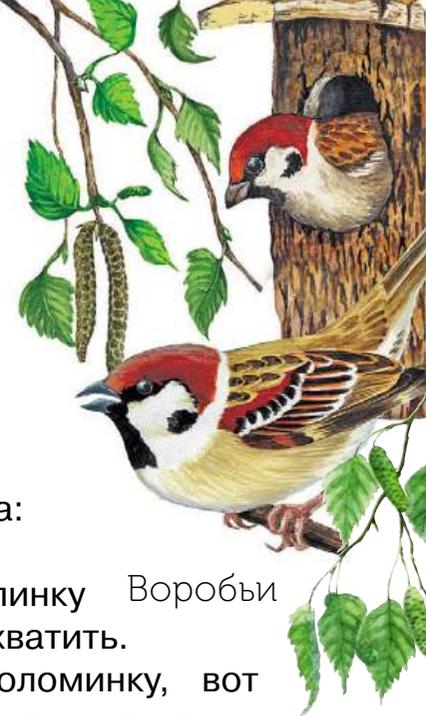
Я стою, жду.

Началась в скворечнике возня, послышалось жужжание и фырчание. А из скворечника — из всех щелей! — завихрилась пыль. Воробей выскочил, отдышался и опять нырнул. И опять я услышал фырчание, и опять полетела пыль. Скворечник дымил!

Что там у него — вентилятор или пылесос? Ни то и ни то. Сам затрепыхался на дне, крылышками забил, погнал ветер, завихрил пыль — сам себе пылесос, сам себе вентилятор!

Чист скворечник, как стёклышко.

Самая пора свежую подстилку носить. Да поторапливаться, пока скворцы не прилетели.

ЖЕЛТОГОЛОВЫЙ
КОРОЛЁК

РЕМЕЗ

У ПТИЦ РАЗНЫЕ
ГНЁЗДА:

ИВОЛГА

ПЕВУЧИЙ
ДРОЗД

КРАТИВНИК

ПЕНОЧКА
ВЕСНИЧКА

ЗЕЛЁНАЯ
ПЕРЕСМЕШКА

ПОПОЛЗЕНЬ

ДЕРЕВЕНСКАЯ
ЛАСТОЧКА

ЩЕГОЛ

ДЛИННОХВОСТАЯ
СИНИЦА

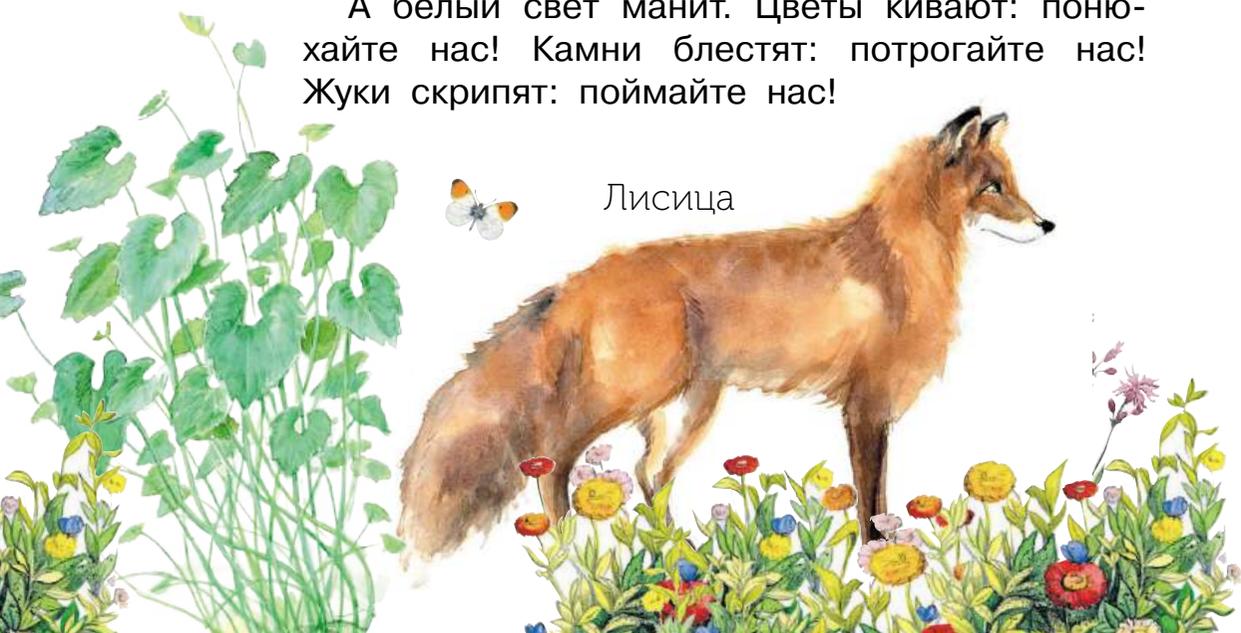
ОТЧЕГО У ЛИСЫ ДЛИННЫЙ ХВОСТ

От любопытства! Не от того же, в самом деле, что она следы свои будто бы хвостом замечает. Длинным лисий хвост становится от любопытства.

Начинается всё с той поры, как прорежутся у лисят глаза. Хвосты у них в эту пору совсем ещё маленькие и короткие. Но вот глаза прорезались — и хвосты сразу же начинают вытягиваться! Становятся всё длинней и длинней. И как же им не длиннеть, если лисята из всех силёнок тянутся к светлому пятнышку — к выходу из норы. Ещё бы: шевелится там что-то невиданное, шумит что-то неслыханное и пахнет нечуждым!

Только вот страшно. Страшно вдруг оторваться от обжитой норы. И потому высовываются лисята из неё только на длину своего короткого хвостика. Словно придерживаются кончиком хвоста за родимый порог. Чуть что — чур-чур — я дома!

А белый свет манит. Цветы кивают: понюхайте нас! Камни блестят: потрогайте нас! Жуки скрипят: поймайте нас!

Лисица

Лисята тянутся, тянутся всё дальше и дальше. Хвостишки их вытягиваются, растягиваются. И становятся всё длинней и длинней. От любопытства, конечно. Отчего же ещё?

НОВЫЙ ГОЛОСОК

Три яичка лежали в гнезде чайки: два неподвижно, а третье шевелилось. Третьему не терпелось; оно даже посвистывало!

Будь его воля, оно бы так и выскочило из гнезда и, как колобок, покатило бы по берегу!

Возилось яичко, возилось и стало тихонько похрустывать. Выкрошилась на тупом конце дырочка. И в дырочку, как в оконце, высунулся птичий нос.

Птичий нос — это и рот. Рот открылся от удивления. Ещё бы: стало вдруг светло и свежо! Глухие доселе звуки зазвучали властно и громко. Незнакомый мир ворвался в уютное и скрытное жилище птенца. И чайчонок на миг оробел: может, не стоит совать свой нос в этот неведомый мир?

Но солнце грело ласково, глаза привыкли к яркому свету. Качались зелёные травинки, плескали ленивые волны.

Чайчонок упёрся лапками в пол, а головой в потолок, нажал — и скорлупа расселась. Чайчонок так испугался, что громко, во всё горло крикнул: «Мама!»

Так в нашем мире одной чайкой стало больше. В хоре голосов, голосищ и голосишек зазвучал новый голосок. Был он робок и тих, как писк комара. Но он звучал — и его слышали все.

Чайчонок встал на дрожащие ножки, поёрзал шерстинками крыльев и смело шагнул вперёд: вода так вода!

Минует ли он грозных щук и выдр? Или станет добычей первого встречного хищника?

Крылья матери-чайки распластались над ним, как руки, готовые прикрыть от невзгод.

Покатил в жизнь пушистый колобок.

ДЕРЕВЬЯ

Входишь в лес и гладишь ладонью деревья, будто старых друзей похлопываешь по спине. Стволы тёплые, как тело живое: чуть покачиваются, будто дышат...

А вершины гудят то грозно, то ласково. Листья лопочут зелёными язычками.

К стволу прислонишься, как к плечу друга. Плечо гладкое, скользкое — молодая берёзка. А то, всё в пупырышках, — это осина. Или изборождённое, изморщиненное, как кожа слона. Это кора дуба.

Всю жизнь с деревьями плечом к плечу. И хочется стиснуть ладонями их руки-ветви и крепко пожать.

ДЕРЕВЬЯ

ЛИСТВЕННИЦА

ОСИНА

ЕЛЬ

БЕРЁЗА

ОЛЬХА

ЧЕРЁМУХА

КОНСКИЙ
КАШТАН

ЯСЕНЬ

ЛИПА

ЧЕРЕШЧАТЫЙ

ДУБ

РЯБИНА

ТАЙНА ЧЁРНОГО ДЯТЛА

Чёрный дятел-желна — большой дятел, с ворону. А носище у него — что твоё долото. Дерево рубит — только щепки летят. И не малые: то с карандаш, а то и с пенал.

Один желна однажды за два лета целую лесную сторожку в щепки разбил. Что и говорить, дятлов нос — инструмент завидный. Бывает, в свежем дереве дыру в два кулака и глубиной по локоть пробьёт. Да и не в какой-нибудь там рыхлой осине, а в узловатой ёлке, да у самого корня: топором стукнешь — топор отскакивает! Не дятел прямо, а лесоруб.

Если о дятле просто по дырам судить, то получится, что желна лесу враг. Но если к дырам внимательно приглядеться — то поймёшь, что не враг он лесу, а друг. Лесу друг и первый леснику помощник. Потому что дыры желна выбивает только в больных и заражённых деревьях. Заглянешь в дыру и непременно увидишь в глубине либо загнившую сердцевину, либо ходы муравьёв-дровосеков. И хоть на вид дерево свежее и здоровое, а никуда уже не годится. Надо его скорей на дрова рубить, пока оно само не сгнило и соседей не заразило.

Настоящие лесники ценят желну. Он как безошибочный указатель. Ни один человеческий глаз не

разглядит ещё, что дерево заболело, а желна уже нашёл его и пометил. И не просто пометит, а раздолбит в самом больном месте: вытащит личинок и переловит муравьёв. И не было ещё случая, чтобы желна ошибся и повредил здоровое дерево.

Лесники к деревьям и присматриваются, и выстукивают их, а отличить наверняка заболевшее от здорового так и не могут. А желна прицепится, клювищем раза два стукнет — и будто на рентгене просветит! А ведь бывает, что до больного места сантиметров двадцать сквозь здоровую древесину добирается!

Это и есть загадка желны.

Про грифа говорят, что он на метр под землю видит. Про желну можно сказать, что он «видит» сквозь дерево.

ЗЕЛЁНЫЙ
ДЯТЕЛ

БОЛЬШОЙ
ПЁСТРЫЙ
ДЯТЕЛ

БЕЛОСТИННЫЙ
ДЯТЕЛ

СОДЕРЖАНИЕ

П ервый шаг	2
З агадочный зверь	3
Д розд и сова	5
Ф илипп и Федя	8
И вовый пир	9
Ф едот, да не тот!	12
Г риб-подгнездовик	16
З аяц загадывает загадку	18
П ять тетеревей	19
В се хотят петь	20
П оющий ёж	21
П очему зяблик — зяблик?	22
Т айна вальдшнепа	24
Л ежачий камень	25
М едвежья горка	28
П лясуны	30

Д омашняя бабочка.....	31
К ак медведь сам себя напугал.....	36
П тицы весну принесли.....	37
С иплая кукушка.....	37
Р ыбы ползут по земле.....	40
Л есной гребешок.....	41
П тичьи причёски.....	44
В ажный зверь.....	45
В есёлая игра.....	46
Ш ёпот рыб.....	47
Г нездо.....	52
П ылесос.....	52
О тчего у лисы длинный хвост.....	56
Н овый голосок.....	57
Д еревья.....	58
Т айна чёрного дятла.....	60

УДК 821.161.1-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С47

Серия «Первые книжки о животных»
Научно-популярное издание
Для младшего школьного возраста

Сладков Николай Иванович ЛЕСНЫЕ СКАЗКИ

Коллектив художников

В книге использованы материалы, предоставленные фотобанком Shutterstock

Дизайн обложки *Н. Ворламовой*

Редактор *А.А. Мещерякова*. Художественный редактор *Е.А. Гордеева*
Технический редактор *Е.П. Кудиярова*. Компьютерная вёрстка *А.С. Филатовой*

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры
Подписано в печать 23.10.2017 г. Формат 70х90/16. Бумага офсетная
Усл. печ. л. 5,0. Тираж экз. Заказ №

ООО «Издательство АСТ» 129085 г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 1, комната 39
Наш электронный адрес: malysh@ast.ru. Home page: www.ast.ru

Мы в социальных сетях. Присоединяйтесь!

https://vk.com/AST_planetadetstva
https://www.instagram.com/AST_planetadetstva
<https://www.facebook.com/ASTplanetadetstva>

“Баспа Аста” деген ООО
129085, г. Москва, жұлдызы гүлзар, д. 21, 1 кұрылым, 39 болме
Біздің электрондык мекенжайымыз: www.ast.ru E-mail: malysh@ast.ru
Қазақстан Республикасында дистрибьютор және оным бойынша арыз-талаптарды
қабылдаушының оқпін «РШЦ-Алматы» ЖШС,
Алматы қ., Домбровский кош., 3-қа, литер Б, офис 1.
Тел.: 8 (727) 251 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107;
E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Әнімін жарамдылық мерзімі шектелмеген.”
Өндірген мемлекет: Ресей. Сертификация қарастырылған

Сладков, Николай Иванович.

С47 Лесные сказки / Н.И.Сладков; худож. В. Стахеев, В. Бастрыкин, А. Мосалов,
Е. Гордеева, В. Полевод, В. Алёхина, Т. Дмитриева, Н. Куксина, С. Смирнова —
Москва: Издательство АСТ, 2018. — 62, [2] с.: ил. — (Первые книжки о животных).
ISBN 978-5-17-982486-2.

Книга Николая Сладкова «Лесные сказки» — это не просто сборник сказок,
а настоящая энциклопедия живой природы с поучительными разворотами,
показывающими, какие бывают совы и филины, что за рыба водится в лесных
реках, какие животные на зиму шубу меняют и многое другое.

Для младшего школьного возраста.

УДК 821.161.1-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Сладков Н.И., насл., 2018
© Алёхина Н.И., ил., 2018
© Бастрыкин В.В., ил., 2018
© Гордеева Е.А., ил., 2018
© Дмитриева Т.Н., ил., 2018
© Куксина Н.В., ил., 2018
© Полевод В.А., ил., 2018
© Смирнова С.В., ил., 2018
© Стахеев В.В., ил., 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Первый шаг – самое важное. Кто шагнул за околицу – тот уже не сможет остановиться. В лес пойдёшь – кого-нибудь да увидишь. А увидишь – узнать захочешь... С книгой Николая Сладкова «Лесные сказки» можно узнать очень многое: какие совы и филины бывают, как заяц загадки загадывает, умеют ли ёжики петь, какие рыбы по земле ползают.

www.ast.ru

ISBN 978-5-17-982486-2

9 785179 824862

ЕАС

Аванта

